

Махмуда Эсамбаева зовут в гости все. Отмечают ли юбилей, вручают ли награды, хотят ли посоветоваться по важному вопросу, принять ответственное решение - Махмуд Эсамбаев как старейшина дает совет, мирит, наставляет. Его знаменитая папаха, без которой Махмуда представить невозможно, стала символом мудрости, и кажется, что знает великий танцор что-то такое, без чего людям жить непросто.

- Как странно, Махмуд, - сказала я в первую же минуту нашей встречи, - что к вам одинаково хорошо относятся и в Чечне, и в Москве, что независимо от того, как складываются отношения чеченцев и русских, лично к вам и у русских, и у евреев, и у татар, и у чеченцев отношение неизменно. Почему?

- Наверное, потому, что вопрос о национальности никогда не был для меня главным. Я счастлив, что никогда не заглядывал в чей-то паспорт. Смотрю всегда только в глаза, они для меня самый главный «паспорт». А еще я стараюсь сеять добро между народами, никого никогда не ссорю. Видно, есть у меня в душе тот камертон, который позволяет мне настраиваться на любовь ко всем. Никто не будет любить тебя, если ты сам никого не любишь. Люди - не арбузы, их не надо выбирать - тот лучше, тот хуже. Надо относиться к ним как к равным. Я к людям с уважением, и они ко мне тоже.

- Там, в Чечне, идет война, а здесь ходит по улицам один из самых уважаемых среди чеченцев человек. Здесь, в Москве, вы тоже чувствуете к себе уважительное отношение?

- Представьте себе - да. Выхожу на улицу и ощущаю добрые взгляды москвичей. Вчера, например, было холодно (я - мерзляк, для меня один градус мороза - уже Сибирь), но пошел за брынзой. Занимаю очередь, жду. Передо мной человек пятьдесят. И вдруг они чуть ли не хором: «Почему вы, товарищ Эсамбаев, стоите в очереди, подойдите, возьмите, вам же холодно, вы не должны стоять, вы - наш теплый цветок». Тут включилась продавщица: «Вы - герой, ну подойдите, я вас отпущу». Не скрою, все это мне приятно. Я никогда свои регалии не использую для получения каких-либо благ, льгот. Регалии нужны для похорон, чтобы все видели, чего ты в этой жизни добился, чем был отмечен. Для человека главное не погоны, не награды, а доброта.

- Вы, Махмуд, с добром к русским, русские - с добром к вам. Почему же мы воюем?

- Если бы я был президентом, министром, разве допустил бы войну? Воюем потому, что попытались разъединить народы. А этого делать не надо. Чеченцы - гордый народ, он не хуже и не лучше других народов. Не надо его обижать, и так ему в истории сильно доставалось, частенько били ни за что. Чеченцы - люди очень скромные и сдержанные. Чеченец скорее умрет, чем попросит кусок хлеба, даже если очень голоден. Но когда Борис Николаевич Ельцин вручал мне орден Дружбы народов, я, поскольку дружил с ним 35 лет, приезжал в Свердловск каждый год, попросил: «Не трогайте чеченцев, не надо блокады, пусть ходят к нам поезда, летают самолеты, ведь в Чечне живут и русские, и татары, и ингуши, и евреи, не надо перекрывать им дороги». Я сказал: «Каким бы ни был президент Чечни, он избран нашим народом, поговорите с ним, иначе добра не будет». Он ответил так: «Я помогу». И помог... Думаю, если бы они с Дудаевым поговорили, войны не было бы. А теперь мне постоянно задают вопрос: что делать, как прекратить эту войну?

- А в самом деле, как?

- Рецепт один, вывести войска. Пусть уйдут солдаты, пусть наши мальчики не видят военную форму, танки, пулеметы. Чеченцы сами разберутся в своих делах, только оставьте их в покое.

- А может быть, стоило собрать совет старейшин и выработать какое-то мудрое, иное решение, нежели те, что принимались и принимаются ныне?

- Уже собирались, уже принимали решения. Но очень трудно что-либо делать, так далеко все зашло. Сейчас уже не просто война идет - месть. В результате гибнут чеченские юноши, в пульмановских вагонах отправляют в Россию не просто неопознанные трупы российских мальчиков, но и оторванные руки, ноги, тела. Результат мести... Месть, кстати, подогревается телевидением. Оно, на мой взгляд, разжигает войну больше, чем кто бы то ни было. ТВ, получается, самое большое зло сейчас.

- Почему вы пришли к такому выводу? То же телевидение показывает вас довольно часто, может быть, именно благодаря телевидению вы так популярны в России.

- Дело не во мне. Зачем показывать бесконечно одно и то же, одни и те же военные действия по тысяче раз? Не лучше

Махмуд
ЭСАМБАЕВ:

«На одном из костюмов было 1200 бриллиантов»,

или Почему Лужков сказал:
«Выберите сами себе квартиру»

было бы показать, как мы друг к другу относимся, все хорошее, что есть в наших отношениях, подчеркивая, что у нас есть возможность сделать шаг навстречу друг другу? До недавних пор я еще предполагал, что придираюсь к ТВ. Но вот прошел мой 70-летний юбилей, четыре часа меня чествовали в торжественной обстановке, говорили много хороших слов, было много друзей и много цветов. Теперь вот уже полтора года пленка лежит, хотя с меня и взяли на первом канале 25 тысяч долларов за полтора часа фильму. Я обращался - никакого результата. Виктор Степанович Черномырдин написал письмо в ОРТ: «В связи с тем, что идет война, покажите, как на вечер чествовали Махмуда Эсамбаева, всем будет приятно посмотреть, ведь Эсамбаев - сын всего российского народа». Но в ОРТ на письмо Черномырдина не отреагировали. Им нужно американское телевидение, им такая архаика, как Эсамбаев, не нужна. Пугачеву показывают каждый день по нескольку раз, для Эсамбаева времени нет. Даже за его собственные деньги.

- Судя по всему, нет времени у телевидения и для чеченских, татарских, грузинских, армянских песен и танцев. Помните, как часто раньше мы могли все это видеть на экране? Теперь, кажется, нет ничего. К сожалению.

- Знаете, в чем была сила Советского Союза? В том, что мы не считали, кто какой национальности, просто наши национальные песни и танцы многоголосием вливались в общую гамму песни. Песни, танцы народов, как блески, собирались в один огромный бриллиант. Поэтому нас восторженно встречали везде, поэтому в Америке люди не спали ночами, хотели попасть на наши концерты. Сейчас в Америке никто не стоит за билетами по ночам в очереди, чтобы насладиться нашим искусством. Мы себя сами опозорили на весь мир. Был у нас крепкий кулак, теперь получился шиш.

- Кстати, о творчестве. Вроде бы вы

свое оттанцевали, можете почитать на лаврах. И вдруг новый спектакль на сцене Кремлевского дворца, новая интересная роль. Она трудно далась вам?

- Я танцевал с «Русским балетом» Вячеслава Гордеева. Гордеев узнал, что я мечтаю станцевать в «Жар-птице», что эта роль у меня готова, и предложил поработать. Я, разумеется, согласился. Может быть, в 100 лет я успокоюсь, но сейчас чувствую, что должен танцевать. Балет Гордеева очень хорош, там все звезды, даже в кордебалете.

- Вы часто говорите, что хотели бы открыть свою школу. Есть ли надежда, что эта мечта осуществится?

- Я верю в это. Дружу с руководителем Московского департамента образования Любовью Петровной Кезиной - изумительной женщиной, доброй и решительной. Я, конечно, надеюсь на ее помощь, но не прошу ее о здании для этой школы. Мой принцип - не создавать проблем моим друзьям.

- Остается надеяться, что здание дадут и без дополнительных просьб. Например, так, как дали квартиру в Москве.

- Я не просил квартиру, мне ее дал сам Юрий Михайлович Лужков. Он сказал: «Дорогой Махмуд! Нам стыдно, что вы, великий танцовщик, столько сделавший для нашей страны, живете в однокомнатной квартире. Вы принимаете много гостей, мы это знаем, но нам стыдно, что вы живете так стесненно. Мне стыдно как мэру города. Пожалуйста, примите квартиру на выбор в Москве». После этого я выбрал квартиру в реконструированном доме на Новом Арбате. Для меня это очень важно, потому что в Грозном я потерял дом и все мое богатство - костюмы, картины, коллекции. То, что было у Эсамбаева, не было ни у одного артиста Советского Союза, на средства от продажи всего этого имущества я мог бы построить в Москве целую улицу. На одном из костю-

- Конечно, в театре, во Фрунзе. Она пришла на «Лебединое озеро». Ее подруга Оля Чалова танцевала со мной, она-то и познакомила меня с Ниной. Тут же произошел небольшой неприятный инцидент. Подошла ко мне знакомая - директор магазина, которая во время войны подкармливала меня и моих друзей, давала хлеб, крупу. Подошла и попросила билеты на танцы в кинотеатр. Я не мог ей отказать, но поскольку перед этим отдал свои билеты Оле, тут же их отобрал и вручил директору магазина. Нине это очень не понравилось, она даже сказала моей партнерше, что я - хам и она со мной даже рядом бы не встала. Когда Оля Чалова рассказала мне об этом, я сказал в ответ: «Ничего, через неделю эта армянка выйдет за меня замуж». Через неделю мы сыграли свадьбу.

- Как вам это удалось?

- С помощью танцев, конечно. Меня пригласили в гости к командующему Средне-Азиатским военным округом: у него была дочь, и он хотел видеть меня своим зятем. Нину тоже пригласили, потому что она была соседкой командующего. Танцы были всю ночь, я танцевал со всеми, кроме Нины. В конце концов она спросила меня, почему я только с ней не танцую. Я повторил ей те сказанные ею слова, что она рядом со мной даже стоять не хотела, не то что танцевать. Мы помирились, а потом и поженились.

- Как ее армянская богатая семья отнеслась к родственнику-чеченцу?

- Они ходили на балеты с моим участием и знали меня. В их семье меня звали Мишей, так меня до сих пор и зовет жена. Кстати, национальный вопрос в нашей семье вообще отсутствовал. Моя мачеха-еврейка всегда кричала во дворе: «Мойша, иди домой!» Потом, когда она умерла, отец женился на цыганке, и та звала меня тоже по-своему.

- Махмуд, как складывались и складываются ваши отношения с лидерами Чечни?

- Джохара Дудаева я знаю очень хорошо. Ведь по его просьбе я стал министром культуры Чечни и пробыл на этом посту целых 10 дней. Успел за это время немало: заплатил работникам зарплату, которую те не получали 7 месяцев, снял с работы двух заместителей министра за взятки.

- А потом?

- А потом попросил Игоря Моисеева дать мне телеграмму, что меня вызывают на конкурс, поехал в Москву, оттуда позвонил Дудаеву: «Джохар, я с большим уважением к тебе и к народу, но я не чиновник, быть министром - не моя сфера, не мое дело, сидеть в кабинете я не смогу».

- Знакомы ли вы с Доку Завгаевым?

- Он был моим соседом, мы часто ходили в гости друг к другу. Это человек большой европейской культуры, знает Кавказ как надо, прекрасный государственный деятель, умница. Жена у него русская, родом из Нижнего Новгорода. Дай Бог, чтобы чеченки так разговаривали на своем родном языке, как Фая, его жена, чтобы так уметь готовить чеченские национальные блюда, как она. Женщина всегда может стать такой, какой ее муж, а муж всегда может стать таким, какова его жена. Каким бы ты ни был мужественным, сильным, все в руках женщины. У Завгаева хорошая жена, она всегда умела создать дом, уют, воспитать детей.

- А кто самый лучший руководитель республики?

- Самым лучшим был секретарь обкома партии Александр Владимирович Власов. Сибиряк, русский парень, он десять лет был секретарем, построил город, в него был влюблен весь наш народ.

- В Москве у вас много друзей. А в Чечне остались друзья еще с тех, молодых лет?

- Конечно.

- Кто из них самый близкий?

- Все. Чтобы в Грозном пройти два квартала, мне нужен минимум час с лишним. А по большому счету, вся Россия - мои близкие друзья. И я этим горжусь. Хочу поклониться «Учительской газете» и поблагодарить ее за то, что она собирает книги для чеченских ребят: помощь друзей в трудную минуту - самое ценное, что может быть в жизни.

Виктория МОЛОДЦОВА